

Иммануил КАНТ

НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЧУВСТВОМ ПРЕКРАСНОГО И ВОЗВЫШЕННОГО

Раздел первый

О РАЗЛИЧНЫХ ОБЪЕКТАХ ЧУВСТВА ВОЗВЫШЕННОГО И ПРЕКРАСНОГО

Различные ощущения приятного или неприятного основываются не столько на свойстве внешних вещей, возбуждающих эти ощущения, сколько на присущем каждому человеку чувстве удовольствия или неудовольствия от этого возбуждения. Этим объясняется что одни люди испытывают радость по поводу того, что у других вызывает отвращение; этим же объясняется, что любовная страсть часто остается загадкой для всех окружающих или что один ненавидит то, к чему другой совершенно равнодушен. Сфера наблюдений этих особенностей человеческой природы простирается очень далеко и таит в себе еще множество открытий, столь же привлекательных, сколь и поучительных. Здесь я обращаю внимание лишь на некоторые пункты, особенно, как нам кажется, выделяющиеся в данной области, и взгляну на них больше глазами наблюдателя, чем философа.

Так как человек чувствует себя счастливым, лишь поскольку он удовлетворяет какую-нибудь склонность, то чувство, делающее его способным испытывать большое удовольствие, не нуждаясь для этого в исключительных талантах, имеет, конечно, немаловажное значение. Тучные люди, для которых самый остроумный автор — это их повар, чьи изысканные произведения хранятся в их погребе, будут по поводу пошлой непристойности и плоской шутки испытывать такую же пылкую радость, как и та, которой гордятся люди более благородных чувств. Ленивый человек, любящий слушать чтение книги потому, что при этом можно прекрасно заснуть; купец, которому все удовольствия кажутся глупыми, за исключением того, которое умный человек испытывает, когда он составляет смету своей торговой прибыли; тот, кто любит другой пол лишь в той мере, в какой он причисляет его к предметам, годным для употребления; любитель охоты, охотится ли он за мухами, как Домициан, или за дикими животными, как А... — у всех этих людей есть чувство, делающее их способными наслаждаться каждого на свой лад; им незачем для этого завидовать другим, и они могут при этом не составлять о других определенного представления; однако в данное время мое внимание обращено не на чувство таких людей. Существует еще одно чувство, более тонкое; оно называется так или потому, что его можно испытывать более длительное время без пресыщения и истощения; или потому, что оно предполагает, так сказать, некоторую возбудимость души, делающую ее способной к добродетельным порывам; или же потому, что оно свидетельствует о талантах и превосходстве духа, тогда как названные выше чувства бывают и при полном отсутствии мыслей. Одну сторону именно этого чувства я и хочу рассмотреть. Но я исключаю отсюда ту склонность, которая обращена на глубокое проникновение ума, а также то возбуждение, к которому был способен такой человек, как Кеплер, когда он, как сообщает Бейль, заявил, что одного своего открытия он не отдал бы за целое княжество. Подобного рода чувство слишком тонко, чтобы оно могло быть темой настоящего очерка, касающегося лишь того чувства, к которому способны и более обыкновенные люди.

Имеется преимущественно два вида более тонкого чувства, которое мы хотим здесь рассмотреть: чувство возвышенного и чувство прекрасного. Оба чувства возбуждают приятное, но весьма различным образом. Вид гор, снежные вершины которых поднимаются над облаками, изображение неистовой бури или описание ада у Мильтона вызывают удовольствие, связанное, однако, с некоторым страхом. Вид покрытых цветами лугов и долин с бегущими по ним ручьями и пасущимися на них стадами, описание рая или гомеровское изображение женских прелестей также вызывают приятное чувство, но радостное и веселое. Чтобы первое из упомянутых здесь впечатлений имело надлежащую силу, мы должны обладать чувством возвышенного; для того же, чтобы как следует насладиться вторым, необходимо иметь чувство прекрасного. Высокие дубы и уединенные тени священной рощи возвышенны, цветочные клумбы, низкая изгородь и затейливо подстриженные деревья прекрасны. Ночь возвышенна, день прекрасен. Спокойная тишина летнего вечера, когда мерцающий свет звезд пробивается сквозь ночные тени и светит одинокая луна, постепенно вызывает у натур, обладающих чувством возвышенного, глубокое чувство приязни, презрения к земному, ощущение вечности. Сияющий день внушает деловое рвение и чувство веселья. Возвышенное волнует, прекрасное привлекает.

Раздел второй

О СВОЙСТВАХ ВОЗВЫШЕННОГО И ПРЕКРАСНОГО У ЧЕЛОВЕКА ВООБЩЕ

В человеческой природе никогда не бывает достойных качеств, отклонения от которых не переходили бы через бесконечные оттенки в самые крайние несовершенства. Устрашающе-возвышенное, если оно совершенно неестественно, приобретает причудливый характер*. Неестественное, если предполагают, что в нем есть возвышенное, хотя бы его и было в нем мало или вовсе не было, представляет собой гримасы. Кто любит все причудливое и верит в него, тот фантазер; склонность же к гримасам делает из человека чудака. С другой стороны, чувство прекрасного извращается, если при этом совершенно отсутствует благородство, и тогда его называют нелепым. Мужчину с таким качеством, если он молод, называют дуралеем, а если он в среднем возрасте, — фатом. Так как более пожилому возрасту всегда более пристойно возвышенное, то старый фат — самое презренное существо в мире, так же как молодой чудака — самое противное и несносное. Шутки и веселость относятся к чувству прекрасного. При всем том (в них) может просвечивать еще довольно много ума, и постольку они могут быть более или менее близки к возвышенному. Тот, в чьей веселости эта примесь (ума) незаметна, — пустомеля. Тот, кто постоянно мелет вздор, глуп. Легко заметить, что и умные люди иногда говорят глупости и что нужно немало ума, чтобы, отозвав на короткое время рассудок с его поста, ничего при этом не упустить. Тот, чьи речи или поступки не забавляют и не трогают, скучен. Скучный человек, если он тем не менее пытается развлечь и заинтересовать, пошл. Пошлый же человек, если он еще и чванлив, — дурак*.

Этот курьезный очерк человеческих слабостей я попытаюсь пояснить несколькими примерами; ведь тот, кому не хватает гравировального резца Хогарта, должен отсутствием выразительности в своем изображении восполнить описанием. Готовность подвергнуться опасностям ради нас самих, ради нашего отечества и наших друзей — такая отвага возвышенна. Крестовые походы, старое рыцарство были авантюры; дуэли, жалкий остаток их, основанный на превратном

представлении о чести, суть гримасы. Горестное отрешение от мирской суеты из-за понятного пресыщения (ею) благородно. Отшельническая набожность древних пустынножителей была причудлива. Монастыри и другие подобного рода склепы для заточения в них живых святых — это гримасы. Укрощение страстей ради принципов возвышенно. Умерщвление плоти, обеты и другие монашеские добродетели суть гримасы. Мощи, священное дерево и всякого рода подобный хлам, в том числе и священные испражнения великого ламы Тибета, — все это гримасы. Из произведений, отличающихся остроумием и тонким чувством, эпические стихотворения Вергилия и Клопштока относятся к сфере благородного, Гомера и Мильтона — к области приключенческого, "Метаморфозы" Овидия суть гримасы, волшебные сказки французского суемудрия — самые жалкие гримасы, которые когда-либо были придуманы. Анакреонтические стихотворения обычно весьма близки к нелепому.

Произведения ума и остроумия, если содержание их имеет какое-то касательство к чувству, равным образом причастны так или иначе к упомянутым различиям (возвышенного и прекрасного). Математическое представление о бесконечной величине мироздания, рассуждения метафизики о вечности, о провидении, о бессмертии нашей души в известной мере возвышенны и благородны. С другой стороны, и философия немало извращается пустыми мудрствованиями, и видимость основательности (в ней) не мешает тому, чтобы четыре силлогические фигуры по праву рассматривать просто как школьные гримасы.

Среди моральных свойств только истинная добродетель возвышенна. Все же имеются и другие хорошие нравственные качества, привлекательные и прекрасные; если они согласуются с добродетелью, их можно рассматривать и как благородные, хотя, строго говоря, по своему характеру их нельзя отнести к добродетелям. Судить об этом — дело тонкое и сложное. Нельзя, конечно, назвать добродетельным расположение духа, приводящее к таким поступкам, к которым, правда, могла бы стремиться добродетель из соображений, случайно совпадающих с добродетелью, но по своей природе часто могущих даже противоречить общим правилам добродетели. Некоторое мягкосердечие, легко превращающееся в теплое чувство сострадания, прекрасно и привлекательно: оно свидетельствует о доброжелательном участии в судьбе других людей, к чему сводятся также и принципы добродетели. Однако эта благодетельная склонность все же слаба и всегда слепа. В самом деле, допустим, что это чувство побуждает вас затратить часть ваших средств на помощь нуждающемуся, а вы между тем должны кому-то другому, и это лишает вас возможности исполнить строгий долг справедливости; очевидно, что в этом случае ваш поступок не может возникнуть из добродетельного намерения, ведь подобное намерение никак не могло бы побудить вас к тому, чтобы ради этого слепого влечения пожертвовать более высоким обязательством. Напротив, если благорасположение ко всему человеческому роду вообще стало для вас принципом, которому вы всегда подчиняете свои поступки, то любовь к нуждающемуся остается, но теперь она с некоторой высшей точки зрения поставлена в истинное отношение ко всей совокупности наших обязательств. Вообще благожелательность к людям есть основание не только сочувствия к их бедам, но и справедливости, согласно предписанию которой вы в данный момент не должны совершать данный поступок. И вот как только это чувство достигнет надлежащей всеобщности, оно становится возвышенным, но и более холодным. Ведь невозможно, чтобы наше сердце преисполнялось нежным участием в судьбе каждого и чтобы мы по поводу каждого чужого несчастья впадали в уныние; иначе добродетельный человек, непрестанно проливая подобно Гераклиту слезы сострадания, при всем своем добросердечии оказался бы не чем иным, как только мягкосердечным бездельником*.

Второй вид чувства благожелательности, несомненно прекрасного и привлекательного, но не составляющего еще основы истинной добродетели, — это услужливость, стремление быть приятным другим своей приветливостью, готовностью пойти навстречу желаниям других и сообразовать свое поведение с их настроениями. Эта привлекательная обходительность прекрасная, и такая отзывчивость благородна. Однако это чувство вовсе не добродетель; более того, там, где высокие принципы не ограничивают и не ослабляют его, из него могут возникнуть всевозможные пороки. В самом деле, не говоря уже о том, что эта услужливость по отношению к тем, с кем мы общаемся, часто есть несправедливость по отношению к другим, находящимся вне этого тесного круга, обходительный человек, если иметь в виду только это побуждение услужить, может обладать всеми пороками, и действовать не в силу его непосредственных наклонностей, а потому, что он желает доставить кому-то удовольствие. Ради любвеобильной обходительности он становится лжецом, бездельником, пьяницей и т.п., потому что он поступает не по правилам хорошего поведения вообще, а сообразно своей склонности, которая сама по себе прекрасна, но становится нелепой, поскольку она неустойчива и беспринципна.

Вот почему истинная добродетель может опираться только на принципы, и, чем более общими они будут, тем возвышеннее и благороднее становится добродетель. Эти принципы не умозрительные правила, а осознание чувства, живущего в каждой человеческой душе и простирающегося не только на особые основания сострадания и услужливости, но гораздо дальше. Мне кажется, что я выражу все, если скажу, что это есть чувство красоты и чувство достоинства человеческой природы. Первое есть основание всеобщего благорасположения, второе — основание всеобщего уважения, и если бы это чувство достигло в каком-либо человеческом сердце высшей степени совершенства, то этот человек, правда, и самого себя любил и ценил бы, однако лишь постольку, поскольку он лишь один из всех тех, на кого простирается его широкое и благородное чувство. Только тогда, когда мы подчиняем свои особые склонности такой обширной склонности, наши добрые стремления могут находить для себя соответственное применение и способствовать претворению в жизнь той благородной пристойности, которая и составляет красоту добродетели.

Зная слабость человеческой природы и ничтожность власти, какую всеобщее моральное чувство могло бы проявить в отношении большинства (человеческих) сердец, провидение вложило в нас подобного рода вспомогательные стремления в качестве дополнений к добродетели; и эти стремления таковы, что, в то время как одних они и без наличия принципов побуждают к благородным поступкам, другим, руководствующимся этими принципами, они способны дать более сильный толчок к добродетели и более сильное к ней побуждение. Сострадание и услужливость представляют собой основания благородных поступков, которые при преобладании над ними более грубого чувства своекорыстия, быть может, вовсе не были бы совершены, но они не составляют, как мы видели, непосредственных оснований добродетели, хотя они и приобретают ее название, когда, связанные с ней, облагораживаются. Я могу их поэтому назвать адаптированными добродетелями, а ту добродетель, которая зиждется на принципах, — истинной добродетелью. Те прекрасны и привлекательны, одна только эта возвышенна и достойна преклонения. Сердце, в котором господствуют ощущения первого рода, называют добрым сердцем, а человека, обладающего им, — добросердечным; что же касается добродетельного человека, действующего согласно принципам, то мы можем с полным правом сказать, что у него благородное сердце, а его самого можем назвать честным. Адаптированные добродетели, однако, в значительной мере сходны с истинными, поскольку содержат в себе чувство непосредственного удовольствия от

хороших и благожелательных поступков. Человек добросердечный будет без какого-либо особого намерения, из непосредственной готовности услужить спокойно и вежливо обходиться с вами, а также искренне сочувствовать несчастью другого.

Так как, однако, такой моральной симпатии еще недостаточно, чтобы побудить косную человеческую природу к общеплезным поступкам, то провидение вложило в нас еще некоторого рода тонкое чувство, заставляющее нас действовать и способное уравновесить более грубое своекорыстие и склонности к низменным наслаждениям, — это есть чувство чести и его следствие — стыд. Мнение других о нашем достоинстве и их суждение о наших поступках есть сильная побудительная причина, заставляющая нас идти на многие жертвы. То, что значительная часть людей не сделала бы из непосредственного порыва добросердечия или из принципов, довольно часто делается только для вида исходя из иллюзии, весьма полезной, хотя самой по себе и пустой, будто суждение других определяет достоинство нас самих и ценность наших поступков. Все, что происходит из такого побуждения, нисколько не добродетельно, и именно поэтому каждый желающий прослыть таковым тщательно скрывает (от других) побудительный мотив — честолюбие. Эта склонность даже еще менее, чем добросердечие, сродни истинной добродетели, ибо деятельной она может стать не непосредственно — благородством поступков, а лишь их благопристойностью в глазах других людей. Соответственно этому, поскольку чувство чести все же весьма тонкое, я могу назвать то подобие добродетели, которое оно порождает, показным блеском добродетели.

Если мы сравним между собой природы людей по тому, какой из трех упомянутых здесь видов чувства господствует в них и определяет их моральный характер, то мы найдем, что каждое из этих чувств тесно связано с одним из известных нам темпераментов, но при этом чаще всего моральное чувство отсутствует у флегматиков. Дело не в том, будто главный признак в характере этих различных натур зависит от упомянутых черт; ведь более грубое чувство, например своекорыстие, низменное наслаждение и т.п., мы в настоящем сочинении вообще не рассматриваем, а между тем при обычной классификации на подобного рода склонности обращается больше всего внимания. Дело в том, что упомянутые более тонкие моральные ощущения могут легче сочетаться с тем или другим из этих темпераментов, и они действительно большей частью и сочетаются с ними.

Если общим основанием всей совокупности наших поступков становятся сокровенное чувство красоты и достоинства человеческой природы, равно как и самообладание и сила духа, то это есть нечто серьезное и не вяжется, конечно, с ветреной веселостью или непостоянством легкомысленного человека. Такое чувство будет даже ближе к нежному благородному чувству грусти, если только эта грусть основывается на том (внутреннем) страхе, который испытывает ограниченная (по своей природе) душа, когда она, исполненная великих замыслов, видит предстоящие ей опасности и перед ней встает трудное, но великое усилие над самой собой. В подлинной добродетели, т.е. добродетели, исходящей из принципов, есть поэтому нечто такое, что всего более, пожалуй, созвучно умеренному меланхолическому характеру.

Добросердечие, красота и тонкая чувствительность души, состоящие в том, что в зависимости от того или другого повода проявляют в отдельных случаях сострадание или благосклонность, весьма подвержены смене обстоятельств, и, поскольку подобное движение души не покоится на всеобщем принципе, оно легко видоизменяется, смотря по тому, какой своей стороной обращены (к нам) объекты. И так как эта склонность ведет к прекрасному, то она как нам кажется, всего естественнее согласуется с тем душевным складом, который называют сангвиническим, отличающимся непостоянством и жаждой развлечений. В этом

темпераменте мы и должны будем искать те привлекательные качества, которые мы называли адаптированными добродетелями.

Чувство чести обычно рассматривалось другими как признак холерического склада души, и на этом основании мы можем для описания такого характера найти моральные следствия этого тонкого чувства, имеющие целью большей частью лишь внешний блеск.

Не бывает людей без всяких признаков более тонких чувств, однако чаще всего они отсутствуют (такое отсутствие соответственно называют бесчувственностью) у людей флегматического темперамента, которому иногда отказывают даже в грубых побудительных причинах, таких, как жадность к деньгам и т.п., но эти (влечения) вместе с другими родственными им склонностями мы можем за ним оставить, потому что они вовсе не относятся к данной сфере.

Рассмотрим теперь чувства возвышенного и прекрасного — главным образом с их моральной стороны — несколько подробнее с точки зрения принятой классификации темпераментов.

Тот, чье чувство приобретает меланхолический характер, не потому называется меланхоликом, что, лишенный радостей жизни, он терзается в мрачной тоске, а потому, что его ощущения, если они усиливаются сверх определенной степени или по каким-то причинам принимают ложное направление, легче приводят к такому, а не какому-либо другому состоянию (духа). Такой человек больше всего обладает чувством возвышенного. Даже красота, которую он чувствует в такой же степени, должна не только привлекать его, но, поскольку она в то же время вызывает в нем восхищение, также и волновать его. Наслаждение от развлечений имеет у него более серьезный характер, не становясь от этого менее сильным. Все, что трогает как возвышенное, больше чарует, чем обманчивые прелести прекрасного. Хорошее самочувствие вызывает у меланхолика не столько веселость, сколько удовлетворенность. Он постоянен. Поэтому он свои чувства подчиняет принципам. Его чувства тем менее подвержены изменениям, чем более общим является принцип, которому они подчиняются, и чем шире, следовательно, то глубокое чувство, которое охватывает чувства, стоящие ниже. Все особые основания для склонностей допускают много исключений и изменений, если они не выведены из подобного высшего основания. Веселый и приветливый Альцест говорит: я люблю и уважаю свою жену, потому что она прекрасна, ласкова и умна. Ну а если болезнь ее обезобразит, возраст сделает ворчливой, то, после того как первое очарование исчезнет, покажется ли она вам умнее, чем всякая другая? Если нет уж основания (для очарования), то что станет со склонностью? А вот благожелательный и степенный Адраст рассуждает так: к этой женщине я буду относиться с любовью и уважением, потому что она моя жена. Этот образ мыслей благороден и великодушен. Пусть отныне меняются временные привлекательные черты, но она все же останется его женой. Благородный мотив остается и не слишком подчинен непостоянству внешних обстоятельств. Таковы принципы по сравнению с порывами, вызываемыми лишь тем или иным отдельным поводом, и таков человек, руководящий принципами, в противоположность тем, на кого только случайно находит доброе и любвеобильное настроение. Ну а если бы даже тайный голос его сердца говорил следующее: вот тому человеку я должен помочь, ибо он страдает; не потому, что он мой друг или товарищ или что я считаю его способным ответить благодарностью на мое благодеяние. Теперь не время размышлять и ставить вопросы: он человек, а что случается с человеком, касается и меня. В этом случае поведение его зиждется на высшем основании доброжелательства в человеческой природе и в высшей степени возвышенно как по своей неизменности, так и в силу всеобщности своего применения.

Я продолжу свои замечания. Человек меланхолического склада мало заботится о

том, каково суждение других, что они считают хорошим или истинным; он опирается поэтому только на свое собственное разумение. Так как побудительные мотивы принимают у него характер принципов, то нелегко внушить ему новые мысли; его постоянство иногда превращается в упрямство. На перемену в модах он смотрит с равнодушием, а на их блеск — с презрением. Дружба возвышенна и потому соответствует его чувству. Сам он может, конечно, потерять непостоянного друга, но этот последний не так легко потеряет его. Даже память об угасшей дружбе для него все еще священна. Красноречие прекрасно, молчание, исполненное мыслей, возвышенно. Меланхолик хорошо хранит свои и чужие тайны. Правдивость возвышенна — и он ненавидит ложь и притворство. У него глубокое чувство человеческого достоинства. Он знает себе цену и считает человека существом, заслуживающим уважения. Никакой подлой покорности он не терпит, и его благородство дышит свободой. Все цепи — от позолоченных, которые носят при дворе, до тяжелых железных цепей рабов на галерах — внушают ему отвращение. Он строгий судья себе и другим, и нередко он недоволен как самим собой, так и миром.

Если этот характер портится, то серьезность переходит в мрачность, благоговение — в экзальтацию, любовь к свободе — восторженность. Оскорбление и несправедливость воспаляют в нем жажду мести. В таком случае его следует остерегаться. Он пренебрегает опасностью и презирает смерть. Если чувство его извращено и ум его недостаточно ясен, он впадает в причуды. Наущения, видения, искушения. Если рассудок (его) еще более слаб, то им овладевают гримасы: вещие сны, предчувствия, знамения. Ему грозит опасность превратиться в фантазера или стать чудаком.

У человека сангвинического склада души преобладает чувство прекрасного. Его жизнь поэтому полна веселья и радости. Если он не весел, то он уже в дурном настроении, а пребывание в тиши мало ему знакомо. Разнообразие прекрасно, и он любит перемены. Он ищет радости в себе и вокруг себя и веселит других; он хороший собеседник. Он вызывает симпатию. Радость других доставляет ему удовольствие, а чужое страдание делает его мягкосердечным. Его нравственное чувство лишено принципов и всегда зависит непосредственно от сиюминутного впечатления, производимого на него (окружающими) предметами. Он всем людям друг, или, что то же самое, в сущности никому не друг, хотя добросердечен и благожелателен. Он не притворяется. Сегодня он покорит вас своей любезностью и хорошими манерами, завтра, если вы больны или вас постигло несчастье, он будет вам искренне и непритворно сочувствовать, но постарается незаметно исчезнуть, пока обстоятельства не переменятся. Он никогда не может быть судьей. Законы обычно кажутся ему слишком строгими, и он дает подкупить себя слезами. Из него святой не получится; он никогда не бывает по-настоящему добрым и по-настоящему злым. Он часто предается беспутству и бывает безнравственным. Он щедр и склонен к благотворительности, но забывает о своих долгах; он, правда, довольно восприимчив к добру, но мало — к справедливости. Никто не имеет такого хорошего мнения о собственном сердце, как он. И хотя бы вы и не очень уважали его, вы все же не можете его не любить. Если его характер портится, он становится пошлым, мелочным и ребячливым. Если с возрастом не убавится его живость и не прибавится рассудительности, то ему грозит опасность сделаться старым фатом.

У человека, которого считают холериком, преобладает чувство того рода возвышенного, которое можно назвать великолепием. Собственно говоря, это только обманчивый блеск возвышенного и лишь яркая окраска, скрывающая внутреннее содержание вещи или лица, быть может, плохое и пошлое, — окраска, своей внешностью вводящая в заблуждение и умиляющая. Подобно тому как здание, на котором изображены как бы высеченные камни, производит столь же благородное

впечатление, как если бы оно действительно было сложено из таких камней, а прилепленные карнизы и пилястры создают видимость прочности, хотя они не имеют опоры и ничего не поддерживают, точно так же блистают и показные добродетели, мишура мудрости и приукрашенные заслуги.

Холерик судит о собственном значении и значении своих дел и поступков по тому, как они бросаются в глаза. К внутреннему качеству и движущим причинам, содержащимся в самом предмете, он равнодушен, его не греет искренняя доброжелательность и не трогает уважение*. Его поведение неестественно. Он должен уметь становиться на самые различные точки зрения, чтобы с позиций разных наблюдателей судить о своем положении; ведь ему важно не то, что он есть, а то, чем он кажется. Поэтому он должен хорошо знать, как его поведение действует на общепринятые вкусы и каковы впечатлений, которые он создает о себе у других. Так как в этой хитрой внимательности он должен непременно оставаться хладнокровным и не давать ослепить себя любовью, состраданием и отзывчивостью, то он сможет избежать также и многих глупостей, которые совершает сангвиник, находящийся во власти непосредственных чувств, и многих неприятностей, которые испытывает тот же сангвиник. Поэтому холерик обычно кажется более рассудительным, чем он есть на самом деле. Его благорасположение есть (в сущности) вежливость, проявляемое им уважение — церемония, его любовь — надуманная лесть. Он всегда полон самим собой, принимает ли он вид возлюбленного или друга (в действительности он ни тот ни другой). Он старается блистать, следуя моде; но так как в нем неестественно и деланно, то он остается неуклюжим и неповоротливым. Он действует по принципам в гораздо большей мере, чем сангвиник, побуждаемый лишь случайными впечатлениями; но это принципы не добродетели, а чести; он лишен чувства красоты или достоинства поступков и считается лишь с мнением окружающих. Впрочем, так как поведение его, поскольку не обращают внимания на то, чем оно вызвано, почти столь же общеплезно, как и сама добродетель, то обыкновенная публика его столь же глубоко уважает, как и человека добродетельного. Однако от более пронзительных глаз он тщательно скрывается, потому что хорошо знает, что, если раскроются тайные пружины его честолюбия, он потеряет всякое к себе уважение. Поэтому он весьма склонен притворяться, в религии лицемерен, в обращении льстив, в политических делах непостоянен. Он охотно раболепствует перед великими мира сего, дабы тем самым стать тираном по отношению к нижестоящим. Наивность, эта благородная или прекрасная простота, носящая на себе печать природы, а не искусства, совершенно чужда ему. Поэтому, когда его вкус портится, ложный блеск его становится кричащим, т.е. отвратительно ярким. Тогда и в стиле его, и в наряде все утрировано — своего рода гримасы, представляющие собой по отношению к великолепному то же, что причудливое или чудаческое по отношению к серьезно-возвышенному. В случае оскорбления он прибегает к дуэли или судебному процессу, а в гражданских делах ссыдется на предков, привилегии и чины. Покуда он только тщеславен, т.е. честолюбив, и старается попадаться на глаза, он еще терпим, но если он чванлив, не имея решительно никаких достоинств и талантов, то он является тем, кем меньше всего хотел бы прослыть, т.е. глупцом.

Так как в флегматической смеси (свойств) никакие ингредиенты возвышенного или прекрасного обычно не встречаются в особенно заметной степени, то этот душевный склад и не станет предметом наших рассуждений.

Какими бы ни были те утонченные чувства, о которых мы до сих пор говорили, будут ли они чувствами возвышенного или прекрасного, они имеют между собой то общее, что в суждении тех, кто не расположен к чувству возвышенного или прекрасного, они всегда представляются извращенными и нелепыми. Человек спокойный и преисполненный корыстолюбивых устремлений вообще не имеет, так

сказать, органов для восприятия благородных черт в стихотворении или добродетели героя: он охотнее читает Робинзона, чем Грандисона, а Катона считает упрямым глупцом. Точно так же лицами несколько более серьезного склада кажется пошлым то, что других привлекает, и веселая наивность пасторали кажется им нелепой и ребяческой. И даже если душевный склад (таких людей) и не совсем лишен более тонкого гармонического чувства, то степень восприимчивости его все же весьма различна, и мы видим, что один считает благородным и благопристойным то, что другому кажется хотя и значительным, но причудливым. При (наблюдении) неморальных явлений нам представляется возможность подметить кое-что в чувстве другого человека, и это дает нам основание с довольно значительной степенью вероятности сделать вывод также и о более высоких свойствах его характера, и даже о свойствах его души. Тот, кто скучает, слушая прекрасную музыку, дает немало оснований предполагать, что красоты стиля и нежные очарования любви будут не властны над ним.

Существует какая-то любовь к безделушкам, свидетельствующая о некотором тонком чувстве, но обращенном как раз на то, что противоположно возвышенному. (Сюда относятся): вкус к чему-то такому, что требует большого искусства и труда; стихи, которые можно читать слева направо и наоборот, загадки, часы в кольцах, очень тонкие цепочки и т.п. Вкус ко всему, что точно вымерено, педантично расположено по полочкам, хотя и без всякой пользы, например книги, со вкусом и скрупулезностью подобранные в длинные ряды, стоящие в книжных шкафах, и пустая голова, которая глядит на них и не нарадуется; комнаты, разукрашенные наподобие калейдоскопов и необычайно чисто вымытые, и тут же негостеприимный и ворчливый хозяин, в них обитающий. Вкус ко всему, что редко, как бы малоценно ни было оно во всех других отношениях: лампа Эпиктета, перчатка короля Карла XII, в известной мере также страсть к собиранию монет. Таких лиц можно не без основания подозревать в том, что в области наук они окажутся мечтателями и чудаками, а в сфере нравственности — бесчувственными ко всему, что прекрасно и благородно само по себе.

Было бы, правда, с нашей стороны несправедливо, если бы от человека, не видящего ценности и красоты в том, что нас трогает и привлекает, отделались заявлением, что он этого не понимает. Дело здесь не столько в том, что усматривается умом, сколько в том, что воспринимается чувством. И тем не менее способности души столь связаны между собой, что по проявлениям чувств можно очень часто судить о способностях ума. В самом деле, тому, кто обладает многими интеллектуальными достоинствами, эти способности были бы ни к чему, если бы он в то же время не имел сильного чувства того, что истинно благородно или прекрасно, поскольку именно такое чувство должно быть побудительной причиной надлежащего и правильного применения упомянутых умственных дарований^{*}).

Принято считать полезным только то, что удовлетворяет нашим более грубым чувствам, что может дать нам вдоволь еды и питья, великолепную одежду и домашнюю утварь, а также щедрые пиры, хотя я не вижу, почему бы и все, чего вообще так горячо желают, не отнести к числу полезных вещей. Но как бы там ни было, с теми, кто находится во власти своекорыстия, с этой точки зрения никогда не следует рассуждать о вещах более тонкого вкуса. В этом отношении курица, конечно, лучше попугая, печной горшок полезнее фарфоровой посуды, все пронизательные умы мира ничего не стоят по сравнению с крестьянином, а что касается попытки определить расстояние до неподвижных звезд, то с этим можно повременить, пока не придут к согласию, как лучше всего пахать плугом. Глупо, однако, пускаться в подобного рода спор там, где невозможно воспринимать одинаково, поскольку и чувства не одинаковы. И тем не менее человек самых грубых и низменных чувств способен понять, что прелести и приятности жизни, без которых

как будто всего легче можно обойтись, привлекают наше самое пристальное внимание и что, если исключить их из числа стимулов, у нас осталось бы мало побудительных причин для столь разнообразной деятельности. Равным образом никто не настолько груб, чтобы не почувствовать, что нравственный поступок, по крайней мере совершенный другим лицом, тем больше волнует, чем дальше он от своекорыстия и чем больше выступают в нем упомянутые благородные побуждения.

Когда я наблюдаю у людей то благородные, то слабые стороны, я упрекаю самого себя в том, что не в силах найти точку зрения, с которой эти бьющие в глаза различия раскрывали бы перед нами великую картину всей человеческой природы в волнующем нас виде. Ибо я охотно соглашусь, что, поскольку речь идет о плане великой природы, такие причудливые состояния могут найти только благородное выражение, хотя люди слишком близоруки, чтобы обозреть их в этом состоянии. Все же, бросая на это беглый взгляд, можно, я полагаю, заметить следующее. Людей, поступающих согласно принципам, совсем немного, что, впрочем, очень хорошо, так как легко может случиться, что в этих принципах окажется ошибка, и тогда вред, отсюда проистекающий, распространится тем дальше, чем более общим будет принцип и чем более непреклонным лицо, которое им руководствуется. Людей, действующих из добрых побуждений, гораздо больше, и это превосходно, хотя и нельзя каждый отдельный поступок ставить в особую заслугу данному лицу. Эти добродетельные инстинкты, конечно, могут иногда отсутствовать, однако в общем они так же осуществляют великую цель природы, как и все другие инстинкты, с такой правильностью движущие животный мир. Тех, кто неизменно имеет перед глазами свое любимое *Я* как единственную точку приложения своих усилий и добивается того, чтобы все вращалось вокруг своекорыстия как великой оси, — таких людей имеется всего больше. Нет ничего более полезного, чем данное обстоятельство; ведь эти люди наиболее усердны, наиболее аккуратны и осмотрительны. Всему они, сами того не желая, придают прочность и постоянство; тем самым они служат общей пользе, вызывая к жизни необходимые потребности и создавая ту основу, на которой более благородные души способствуют распространению красоты и гармонии. Наконец, в сердцах всех людей, хотя и не в одинаковой мере, укрепилось честолюбие, что должно придать всему целому поразительную красоту. В самом деле, хотя тщеславие — глупая иллюзия, но, если оно становится правилом, которому подчиняют все другие склонности, оно как сопутствующее побуждение чрезвычайно ценно. В самом деле, каждый совершает на великой арене (жизни) поступки сообразно со своими основными склонностями, но в то же время какое-то тайное побуждение заставляет его мысленно смотреть на себя со стороны, чтобы судить о благообразии своего поведения, каково оно и каким оно представляется в глазах публики. Благодаря этому обстоятельству различные группы (людей) составляют картину превосходной выразительности, где среди большого многообразия проявляется единство и вся моральная природа в целом проникнута красотой и достоинством.

Раздел третий

О РАЗЛИЧИИ ВОЗВЫШЕННОГО И ПРЕКРАСНОГО У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Тот, кто первый назвал женщин прекрасным полом, хотел, быть может, сказать этим нечто лестное для них, но на самом деле он выразил нечто большее, чем сам предполагал. Мы не будем уже говорить о том, что облик женщины вообще тоньше,

черты нежнее и мягче, что дружелюбие, шутка и приветливость выражены на ее лице сильнее и привлекательнее, чем у мужчины; не следует забывать также и о скрытой волшебной силе, которой она склоняет нашу страсть к благоприятному о ней мнению. Помимо этого, в самом душевном строе прекрасного пола прежде всего заложены своеобразные черты, явственно отличающие его от нашего пола и отмеченные главным образом печатью прекрасного. Мы же могли бы притязать на звание благородного пола, если бы от благородной души не требовалось, чтобы она отклоняла почетные звания и охотнее наделяла ими других, чем получала сама. Все сказанное не следует, однако, понимать в том смысле, будто женщина лишена благородных свойств или что мужской пол лишен красоты; напротив, можно полагать, что каждый пол сочетает в себе и то и другое, однако у женщины все другие достоинства соединяются лишь для усиления в ней характера прекрасного, с чем, собственно, соотносится все, тогда как среди мужских свойств возвышенное отчетливо выделяется как отличительный признак пола. Это надо принять во внимание, когда судят о представителях того и другого пола — все равно, хвалят ли их или порицают; всякое воспитание и наставление должно постоянно иметь в виду это различие, и все усилия должны быть обращены на то, чтобы содействовать нравственному совершенству того или другого (пола), если только не желают сделать незаметным яркое различие, которое природа хотела провести между ними. Здесь недостаточно представлять себе, что имеешь перед собой людей; нужно не упускать из виду еще и то, что это люди разного рода.

У женщины более сильна природная склонность ко всему красивому, изящному и нарядному. Уже в детстве женщины с большой охотой наряжаются и находят удовольствие в украшениях. Они чисто плотны и очень чувствительны ко всему, что вызывает отвращение. Они любят шутку, и, если только у них хорошее настроение, их можно забавлять безделушками. Очень рано они приобретают вид, умеют держать себя и владеют собой; и все это в таком возрасте, когда наша благовоспитанная мужская молодежь еще необузданна, неуклюжа и застенчива. Женщины очень участливы, добросердечны и сострадательны, прекрасное они предпочитают полезному, и то, что у них остается от расходов на пропитание, они охотно откладывают, чтобы тратить больше на внешний блеск и наряды. Они чрезвычайно чувствительны к самому пустячному оскорблению и очень тонко подмечают малейшее невнимание и неуважение к себе. Одним словом, благодаря женщинам можно отличить в человеческой природе прекрасные свойства от благородных; женщины даже мужской пол делают более утонченным.

Я надеюсь, что от меня не потребуют перечисления свойств мужчин, поскольку они аналогичны упомянутым свойствам женщин, и удовлетворятся лишь тем, что рассмотрят их путем сопоставления. У прекрасного пола столько же ума, сколько у мужского пола, с той лишь разницей, что это прекрасный ум, наш же, мужской, — глубокий ум, а это лишь другое выражение для возвышенного.

Красота поступка состоит прежде всего в том, что его совершают легко и как бы без всякого напряжения; усилия же и преодоленные трудности вызывают восхищение и относятся к возвышенному. Раздумье и долгое размышление благородны, но трудны и не особенно подходят для лиц, у которых естественная прелесть должна свидетельствовать лишь о прекрасной природе. Трудное учение или слишком отвлеченные рассуждения (даже если бы женщине удалось достигнуть в этом совершенства) сводят на нет достоинства, присущие женскому полу. Хотя они и способны ввиду их редкости сделать женщину предметом бесстрастного удивления, но они уменьшают силу тех прелестей, благодаря которым женщины имеют такую большую власть над другим полом. Женщине, у которой, как у г-жи Дасье, голова полна греческой премудрости или которая подобно маркизе Шатле ведет ученый спор о механике, не хватает для этого только бороды — борода, быть

может, еще отчетливее выразила бы глубокомыслие, приобрести которое стремятся такие женщины. Прекрасный ум выбирает предметом своего рассмотрения все, что близко более тонкому чувству; абстрактные же умозрения или знания полезные, но сухие он предоставляет прилежному, основательному и глубокому уму. Женщина не будет поэтому изучать геометрию; о законе достаточного основания или о монадах она узнает лишь столько, сколько необходимо, чтобы уловить соль тех сатирических стихотворений, которые протащили (в печать) поверхностные умники из нашего пола. Красавицы могут спокойно предоставить Картезию постоянно крутить свои вихри, оставаясь к ним равнодушными, если бы даже галантный Фонтенель и захотел, чтобы блуждающие звезды составили этим вихрям компанию.

Притягательная сила их прелестей не уменьшится, если они ничего не будут знать о том, что Альгаротти старался для их блага рассказать о силах притяжения грубых материй по теории Ньютона. В области истории они не будут забивать себе голову сражениями, а в географии — крепостями; ведь им так же мало подобает пахнуть порохом, как лицам мужского пола пахнуть мускусом.

Со стороны мужчин было, по-видимому, злой хитростью то, что они хотели склонить прекрасный пол к подобному извращению вкуса. Ведь они хорошо знают свою слабость к естественным прелестям этого пола, а также то, что один лукавый взгляд приводит их в смущение больше, чем самый трудный схоластический вопрос. Напротив, как только женщина усваивает себе этот (извращенный) вкус, мужчины тотчас же видят свое решительное превосходство (над ней) и оказываются в том выгодном положении, которого они в ином случае едва ли могли бы добиться, а именно с великодушной снисходительностью потакают ее слабости — тщеславию. Содержание великой науки женщины — скорее всего человек, а среди людей — мужчина. Ее философия не умствования, а чувство. Если речь идет о том, чтобы дать женщинам возможность развить свою прекрасную природу, то всегда нужно иметь перед глазами это важнейшее обстоятельство. Надо стремиться развить все их моральное чувство в целом, а не их память, и притом не посредством общих правил, а с помощью суждений о том, что происходит вокруг них. Примеры, заимствованные из других эпох с целью понять то влияние, которое прекрасный пол имел на происходившие в мире события, многообразные отношения этого пола к мужскому полу в прежние века или в чужих странах, характер их обоих, поскольку его можно объяснить, а также изменчивый вкус к удовольствиям — вот что составляет всю их историю и географию. Хорошо, если можно для женщины сделать приятным вид карты, представляющей весь мир или его важнейшие части. Это достигается тем, что эту карту показывают ей лишь для того, чтобы описать различные характеры народов, обитающих на земле, их различные вкусы и нравственное чувство, в особенности же чтобы рассказать о влиянии, которое все это имеет на отношения между полами, а также для того, чтобы дать ей некоторые сведения о странах, о свободе или рабстве в них. Неважно, будет ли она при этом знать отдельные части этих стран, занятия населения, могущество этих стран и их властителей. Точно так же и о мироздании ей незачем знать больше, чем нужно для того, чтобы вид неба в прекрасные вечера мог ее взволновать, а также чтобы она поняла, что существует еще много миров и что там обитают еще более прекрасные создания. Вкус к выразительным описаниям и к музыке не как искусству, а как выражению ощущений — все это облагораживает и возвышает чувства этого пола и всегда некоторым образом связано с нравственными побуждениями. Недопустимо бесстрастное и умозрительное обучение (женщины); всегда (нужно развивать у нее) чувства, и притом те, что близки ее полу. Такое обучение столь редко потому, что оно требует таланта, опыта и добрейшего сердца. Без всякого же другого обучения женщина прекрасно может обойтись, ведь даже и без упомянутого обучения она обычно сама очень хорошо развивается.

Совсем простое, грубое половое влечение, правда, ведет самым прямым путем к великой цели природы; выполняя ее требования, оно способно сразу сделать данное лицо счастливым, однако, становясь слишком обиденным, оно легко приводит к разврату и беспутству. С другой стороны, изощренный вкус служит, правда, для того, чтобы лишить пылкую страсть ее грубой чувственности и сильно ограничивая число ее объектов, сделать ее сдержанной и благоприличной. Однако эта страсть обычно не достигает великой конечной цели природы, и так как она требует или ожидает большего, чем то, что природа обычно дает, то она, как правило, лишь весьма редко делает счастливым лицо со столь деликатными ощущениями. Люди первого типа становятся грубыми, потому что имеют в виду всех представителей другого пола; люди второго типа становятся мечтательными, поскольку они не имеют в виду, собственно говоря, ни одного из них; у них один лишь объект — тот, который влюбленность создает себе в мыслях, наделяя его всеми благородными и прекрасными свойствами, которые природа редко совмещает в одном человеке и еще реже сообщает их тому, кто может их оценить и, вероятно, был бы достоин обладать ими. Этим объясняется то, что такие люди откладывают брачный союз и в конце концов совсем от него отказываются или же — что, пожалуй, ничуть не лучше — горестно жалеют о сделанном выборе, не оправдавшем их больших надежд. В самом деле, нередко эзоповский петух находит жемчужину, между тем как ему более подходило бы обыкновенное ячменное зерно.

Здесь мы вообще можем заметить, что, как бы ни были прекрасны впечатления от нежного чувства, все же имеются все основания соблюдать осторожность в его изощрении, если мы не хотим чрезмерной возбудимостью создать себе дурное настроение и источник бед. Более благородным душам я — если бы только знал, как этого достичь, — посоветовал бы изощрять сколько можно свое чувство в отношении свойств, им самим присущих, или действий, ими самими совершаемых, и сохранять простоту чувства в отношении удовольствий или того, чего они ожидают от других. Но если бы это было возможно, они и других сделали бы счастливыми и сами были бы счастливы. Никогда не следует упускать из виду, что нельзя требовать слишком много благополучия в жизни и совершенства от людей, ибо тот, кто всегда ожидает лишь посредственного, имеет то преимущество, что результат редко разрушает его надежду, напротив, его иногда приятно поражают неожиданные совершенства.

Наконец всем подобным прелестям угрожает возраст, этот великий разрушитель красоты. Если бы все шло своим чередом, то возвышенные и благородные свойства должны были бы постепенно занять место прекрасных свойств, дабы человек, по мере того как он перестает быть достойным любви, заслуживал все большего уважения. По моему мнению, все совершенство прекрасного пола во цвете лет должно заключаться в прекрасной простоте, возвысившейся благодаря утонченному чувству любви ко всему привлекательному и благородному. Со временем, когда претензии на возбуждающие впечатления слабеют, чтение книг и расширение знаний могут постепенно оставлять музам место, свободное теперь от граций, и супругу следовало бы (в этом отношении) стать первым наставником. Тем не менее, даже когда приближается столь страшная для каждой женщины пора увядания, она все же принадлежит еще к прекрасному полу. И она сама обезображивает себя, если, отчаявшись сохранить свойства прекрасного пола, отдается во власть ворчливого и мрачного расположения духа.

В брачной жизни супруги должны образовать как бы одну нравственную личность, движимую и управляемую рассудком мужа и вкусом жены. Ведь дело не только в том, что от мужчины можно ожидать больше основанного на опыте понимания, а от женщины — больше свободы и верности в чувстве. Чем возвышеннее душевный склад мужчины, тем больше он склонен считать своей главной целью услаждение

любимого существа, и, с другой стороны, чем женщина прекраснее, тем больше стремится она на его усилия ответить благосклонностью. Следовательно, при таких отношениях нелепо спорить о достоинствах (той или другой стороны), а там, где такой спор происходит, он служит вернейшим признаком грубости и противоречивости вкуса. А если уж речь идет о праве повелителя, то, значит, дело до крайности испорчено: ведь там, где союз зиждется в сущности только на влечении, он уже будет наполовину разорван, как только возвысит свой голос приказание. Притязание женщины на такой жесткий тон крайне отвратительно, подобное же притязание мужчины в высшей степени неблагородно и достойно презрения. Между тем мудрый ход вещей приводит к тому, что утонченность и нежность чувств проявляют всю свою силу лишь вначале, затем от общения в обстановке домашней жизни они постепенно притупляются, а потом переходят в дружескую любовь, когда великое искусство состоит в конце концов в сохранении достаточных еще остатков первоначальных чувств, дабы равнодушие и скука не уничтожили всю ценность той радости, ради которой единственно только и стоило заключать такой союз.

ПРИЛОЖЕНИЕ К "НАБЛЮДЕНИЯМ НАД ЧУВСТВОМ ПРЕКРАСНОГО И ВОЗВЫШЕННОГО" (Из посмертно изданных рукописей 1964 г.)

Требуется очень много искусства, чтобы предохранить детей от лжи. Действительно, так как им предстоит очень многое сделать и они слишком слабы, чтобы отвечать отказом и сносить наказание, то у них гораздо больше побуждений ко лжи, чем у взрослых, в особенности потому, что в отличие от взрослых они сами ничего не могут себе добыть, а все зависит от того, как они представляют себе что-то соответственно той склонности, которую они замечают у других. Их нужно поэтому наказывать только за то, что они никак не могут отрицать, и ничего не позволять им на основе соображений, выставляемых ими в качестве предлога.

Отнюдь не следует, если хочешь воспитать моральные качества, приводить мотивы, которые не делают поступок морально добрым, а именно наказания, награды и т.п. Поэтому и ложь следует изображать как нечто непосредственно отвратительное, т.е. такой, какова она на самом деле, не подчиняя ее никакому другому правилу морали, например долгу по отношению к другим. Нет обязанностей по отношению к самому себе, но есть абсолютные обязанности, имеющие значение сами по себе, — поступать хорошо. Нелепо также, что в нашей нравственности мы редко зависим от самих себя.

В медицине говорят, что врач — слуга природы; но то же относится и к морали. Устраняйте только внешнее зло, а природа уже примет наилучшее направление. Если бы врач сказал, что природа сама по себе испорчена, то каким же средством он думал бы ее исправить? То же относится и к моралисту.

Человек не безучастен к счастью или несчастью других только тогда, когда он сам чувствует себя довольным. Сделайте поэтому так, чтобы он был доволен немногим, и вы создадите добрых людей; иначе все будет напрасным. Во всеобщей любви к людям есть что-то возвышенное и благородное, но она химера. До тех пор пока человек сам так сильно зависит от вещей, он будет безучастен к счастью других.

Человек естественной простоты очень рано обретает чувство справедливости, но очень поздно или вообще не обретает понятия справедливости. Упомянутое чувство должно развиваться гораздо раньше, чем понятие. Если раньше научить человека развивать по правилам это понятие, то у него никогда не будет чувства справедливости. После того как склонности уже развиты, трудно представлять себе хорошее или дурное при других обстоятельствах. Так как меня, если я не имею какого-либо постоянного наслаждения в данное время, заедает скука, то я могу себе

представить швейцарца, пасущего в горах своих коров; а этот швейцарец не сможет себе представить, как это человек, который сыт, может желать чего-то еще. Трудно понять, как в таком низком состоянии само это состояние не причиняет страдания. С другой стороны, если одни люди ослеплены самомнением, то другие не могут себе представить, как это может быть у них такое ослепление. Знатный человек воображает, что пренебрежение, вызванное отказом от блеска, не может угнетать обывателя, и не понимает, что этот обыватель привык считать некоторые развлечения своей потребностью.

Противоестественно, когда человеку приходится проводить свою жизнь в том, чтобы учить ребенка жить. Такие воспитатели, как Жан-Жак (Руссо), являются поэтому ненастоящими воспитателями. В состоянии естественной простоты ребенку оказывается только немного услуг; как только он накопит немного сил, он сам начинает совершать некоторые полезные поступки взрослых, что бывает у крестьян или ремесленников, и постепенно учится всему остальному. Между тем вполне естественно, что человек использует свою жизнь и для того, чтобы многих научить жить и чтобы в таком случае жертвование своей собственной жизнью не представляло собой ничего удивительного. Школы поэтому необходимы; но для того, чтобы они были возможны, необходимо воспитать Эмилей. Было бы желательно, чтобы Руссо показал, как в этих условиях могли бы возникнуть школы. Проповедники в деревне могли бы начать осуществлять это со своими собственными детьми и с детьми своих соседей.

Я никогда не смогу убедить другого иначе как с помощью его собственных мыслей. Я должен, следовательно, предположить, что у него здравый и правильный ум, иначе было бы напрасно надеяться, что его можно убедить моими доводами. Точно так же я могу другого человека морально растрогать только через его же собственные чувства; я должен, следовательно, предположить, что он в какой-то мере добросердечен, иначе он никогда не будет чувствовать отвращение, когда я опишу ему порок, а когда я стану восхвалять добродетель, он никогда не ощутит в себе стремления к ней. Но так как возможно, что в нем есть некоторые морально правильные чувства или что он может предполагать, что его мироощущение согласно с ощущениями всего человеческого рода и что злое в нем всецело злое, то я должен признать за ним долю добра в этом, а двусмысленное сходство невинности с преступлением изобразить как само по себе обманчивое.

Я никого не могу сделать лучшим иначе как через часть того добра, которое в нем имеется; я никого не могу сделать умнее иначе как через имеющуюся в нем часть ума.

Вред, приносимый наукой людям, состоит главным образом в том, что огромное большинство тех, кто хочет себя в ней проявить, достигает не усовершенствования рассудка, а только его извращения, не говоря уже о том, что для большинства наука служит лишь орудием для удовлетворения тщеславия. Польза, которую приносит наука, заключается или в блистательности (например, математика), или в предотвращении зол, которые сама же она и причинила, или же в определенного рода благонравии как второстепенном следствии ее.

Чрезвычайно важно для человека знать, как надлежащим образом занять свое место в мире, и правильно понять, каким надо быть, чтобы быть человеком. Но если он признает лишь пустую любовь или удовольствия, которые, правда, лестны для него, но для которых он не создан, — удовольствия, противоречащие установлениям, указанным ему природой, если он признает нравственные свойства, имеющие (лишь) внешний блеск, то он будет нарушать прекрасный порядок природы и только уготовит гибель себе и другим: он покидает свое место, раз его уже не удовлетворяет быть тем, к чему он предназначен. Поскольку он выходит из человеческой сферы, он ничто, и созданный этим пробел распространяет его гибель

на соседние с ним члены (целого).

Немалый вред, причиняемый потоком книг, ежегодно наводняющих нашу часть света, состоит, между прочим, в том, что действительно полезные книги, всплывающие время от времени на поверхность широкого океана книжной учености, остаются незамеченными и должны разделить участь прочих отбросов — быстро погибнуть. — Склонность много читать, чтобы сказать, что прочли то-то и то-то родила привычку не слишком долго задерживаться на одной книге.

Нужно учить молодежь относиться с уважением к обыкновенному рассудку как с помощью моральных, так и с помощью логических оснований.

Сам я по своей склонности исследователь. Я испытываю огромную жажду познания, неутомимое беспокойное стремление двигаться вперед или удовлетворение от каждого достигнутого успеха. Было время, когда я думал, что все это может сделать честь человечеству, и я презирал чернь, ничего не знающую. Руссо исправил меня. Указанное ослепляющее превосходство исчезает; я учусь уважать людей и чувствовал бы себя гораздо менее полезным, чем обыкновенный рабочий, если бы не думал, что данное рассуждение может придать ценность всем остальным, устанавливая права человечества.

Если существует наука, действительно нужная человеку, то это та, которой я учу — а именно подобающим образом занять указанное человеку место в мире — и из которой можно научиться тому, каким надо быть человеком. Предположим, что человек нашел бы вокруг себя вводящие его в заблуждение соблазны, которые незаметно отвлекли бы его от его прямого назначения; тогда это поучение наше снова возвратило бы его к истинному состоянию человека и, каким бы незначительным и неполноценным он себя ни чувствовал, он все же для указанного ему поста окажется достаточно хорошим, ибо он ест как раз то, чем он должен быть.

Женский пол или соединен с мужским в свободном общении, или лишен такового. Там, где имеет место последнее, нет морального вкуса, а есть в лучшем случае естественная простота (отдача женщин займы у спартанцев) или сладострастная мечта — своего рода алчность влюбленного — многим наслаждаться и многим владеть, ничем не наслаждаясь как следует (царь Соломон). В состоянии естественной простоты господствует обоюдная потребность: здесь же на одной стороне потребность, на другой — (ее) отсутствие. Там была верность без искушения, здесь — страж целомудрия, которое само по себе невозможно. В свободном общении обоих полов, каковое представляет собой новое изобретение, растет не только похотливость, но и моральный вкус.

Властвуй над своими иллюзиями, и будешь мужчиной; чтобы твоя жена ставила тебя выше всех людей, не будь сам рабом мнений других. Чтобы твоя жена могла уважать тебя, она не должна видеть в тебе раболепства перед мнениями других. Будь рачителен; пусть в твоём общении с людьми преобладают не затраты, а вкус и уют, не гонись за излишне большим числом гостей и блюд.

Супружеская любовь потому и ставится так высоко, что свидетельствует об отказе от множества других преимуществ.

Возникает вопрос, должен ли я, для того чтобы привести в движение свои аффекты или аффекты других людей, искать точку опоры вне этого мира или в его пределах. На это я отвечаю: я нахожу ее в естественном состоянии, т.е. в свободе.

Человеку присущи свои склонности, и благодаря своей свободе он обладает природной волей, дабы следовать ей в своих поступках и направлять ее. Нет ничего ужаснее, когда действия одного человека должны подчиняться воле другого. Поэтому никакое отвращение не может быть более естественным, чем отвращение человека к рабству. Поэтому-то и ребенок плачет и раздражается, когда ему приходится делать то, чего хотят другие, если они не постарались сделать это для него приятным. Он хочет поскорее сделаться мужчиной, чтобы распоряжаться по

своей воле.

О свободе

Человек зависит от многих внешних вещей, в каком бы состоянии он ни находился. В своих насущных потребностях он всегда зависит от одних, а в своей жадности — от других вещей, и, будучи управителем природы, а не ее господином, он должен сообразовываться с ее принуждением, ибо для него ясно, что не всегда можно сообразовать вещи со своими желаниями. Но гораздо более жестоким и неестественным, чем это бремя необходимости, является подчинение одного человека воле другого. Для того, кто привык к свободе, нет большего несчастья, чем быть отданным во власть такого же существа, как он, которое может принудить его отказаться от своей воли и делать то, что он хочет. Нужна долгая привычка, чтобы сделать более терпимой страшную мысль о подчиненности другому, ибо каждый должен на самом себе испытать, что хотя и есть много бед, которые не всегда бываешь готов отстранить, если это связано с опасностью для жизни, однако, когда речь идет о выборе между рабством и жизнью, каждый без колебаний предпочтет опасность для жизни. Причина этого совершенно ясна и законна. Всякое другое зло, совершаемое природой, все же подчинено определенным законам, которые мы познаем, чтобы затем самим решать, насколько мы можем им уступать или подчиняться. Жар палящего солнца, суровые ветры, движения вод все еще дают человеку возможность придумать что-нибудь, что могло бы защитить его от них или по крайней мере обезвредить их действие. Но воля каждого человека есть лишь продукт его собственных стремлений, склонностей и согласуется только с его собственным истинным или воображаемым благополучием. Однако, если я раньше был свободен, ничто не может ввергнуть меня в горе и отчаяние сильнее, чем мысль о том, что впредь мое положение будет зависеть не от моей воли, а от воли другого. Сегодня жестокий мороз; я могу выйти или остаться дома — как мне заблагорассудится; но воля другого человека определяет не то, что в данном случае мне наиболее приятно, а то, что наиболее приятно ему. Я хочу спать, а он меня будит. Я хочу отдыхать или играть, а он заставляет меня работать. Бушующий ветер заставляет меня забраться в укрытие, но здесь или где-то в другом месте он оставляет меня в конце концов в покое. Но мой господин отыскивает меня, и так как он, причина моего несчастья, обладает разумом, то он мучает меня гораздо более искусно, чем все стихии. И если даже предположить, что (сейчас) он благожелателен, то кто поручится за то, что он не станет иным? Движения материи все же подчиняются определенному правилу, но настроение человека не подчиняется никаким правилам.

В подчинении другому есть не только нечто крайне опасное, но и нечто отвратительное и противоречивое, указывающее в то же время на его неправомочность. Животное не вполне совершенное существо, ибо оно еще не обладает сознанием, и, будет или не будет другое существо противодействовать его стремлениям и склонностям, оно, конечно, будет ощущать свою беду, но эта беда для него в каждый данный момент исчезает, и само оно ничего не знает о своем существовании. Но нелепо и неправильно думать, что человек не нуждается, так сказать, ни в какой душе и не имеет никакой собственной воли и что другая душа должна управлять движением моих членов. Точно так же и при нашем общественном устройстве мы презираем каждого, кто сильно зависит от другого. Казалось бы, свобода должна возвышать меня над животным, а на деле она ставит меня даже ниже его, ибо меня легче подчинить. Такой человек сам по себе представляет собой, можно сказать, домашнюю утварь для другого. Ведь я в такой же мере мог бы высоко чтить сапог моего господина, как и чистить его. Человек,

зависящий от другого, уже не человек; он это звание утратил, он не что иное, как принадлежность другого человека.

Подчиненность и свобода обычно бывают в известной мере перемешаны, и одна зависит от другой. Но даже сравнительно малая степень зависимости есть слишком большое зло и, естественно, должна нас устрашать. Подобное чувство очень естественно, но его можно и значительно ослабить. Способность противодействовать другим бедам может стать настолько незначительной, что рабство начинает казаться меньшим злом, чем жизненные неудобства. И тем не менее не подлежит сомнению, что рабство есть наивысшее зло в человеческой природе.

Строгость наказания следует оценивать практически, а именно оно должно быть достаточно большим, чтобы воспрепятствовать совершению (преступных) действий, и тогда большее наказание недопустимо; но морально не всегда возможно такое наказание, какое необходимо физически. Однако размер наказания определяется с моральной точки зрения. О человеке, убившем другого человека, чтобы забрать у него деньги, судят так: поскольку жизнь другого он ценил ниже, чем его деньги, то и его жизнь следует ценить ниже, чем жизнь всех других людей.

Рабство есть или рабство насилия, или рабство ослепления. Последнее основывается на зависимости или от вещей (стремление к роскоши), или от пустой мечты других людей (тщеславие). Это последнее более нелепо и жестоко, чем первое, потому что вещи гораздо больше находятся в моей власти, чем мнения других людей, и этот род рабства достоин большего презрения.

У нас есть чувства, полезные нам самим, и чувства, полезные всем. Первые появляются раньше вторых, возникающих прежде всего при влечении к другому полу. Человек имеет потребности. Но он в то же время и властвует над ними.

---

* Когда возвышенное или прекрасное превосходит меру, их обыкновенно называют романтическими.

* Не трудно заметить, что эта почтенная публика делится на две группы: на чудаков и фатов. Ученый чудаком называется почтительно педантом. Если он принимает надменный вид мудреца, то подобно глупцам древних и новых времен ему очень к лицу колпак с бубенцами. Класс фатов чаще встречается в большом свете. Пожалуй, он все же несколько лучше первого. С ними можно хорошо провести время и вдоволь посмеяться. И тем не менее в этой карикатуре один часто корчит другому рожу, и своей пустой головой ударяется о голову своего собрата.

* При более пристальном внимании легко найти, что как ни привлекательно сострадание, оно все же не обладает качеством добродетели. Страдающий ребенок, несчастная и милая женщина заставляют наше сердце наполниться этим чувством уныния, и в то же время мы хладнокровно воспринимаем весть о большом сражении, в котором, как это легко сообразить, значительная часть человеческого рода должна безвинно погибнуть в ужасающих мучениях. Иной государь, с грустью отвращавший свое лицо из сострадания к какому-то одному несчастному человеку, тем не менее нередко из тщеславия отдает приказ о войне. Никакой пропорции в действии здесь нет; как же можно в таком случае сказать, что всеобщая любовь к людям есть причина (этих действий)?

* Более того, счастливым он считает себя лишь тогда, когда предполагает, что за такового его признают другие.

* Мы видим также, что некоторую тонкость чувства ставят человеку в заслугу. Когда человек может из мяса или пирога устроить себе хороший обед или когда он великолепно спит, то все это считается признаком хорошего желудка, но не его

заслугой. Напротив, тот, кто частью своего обеда жертвует ради музыки, или, рассматривая картину, может погрузиться в состояние приятной рассеянности, или с удовольствием читает остроумные вещи, хотя бы это были всего только поэтические безделки, — тот в глазах почти каждого кажется человеком более тонким, о нем имеют более благоприятное и более лестное мнение.